

И.Кобелев получил возможность поставить себя на место автора, посмотреть на художественное пространство глазами самого святителя.

Образ Иоасафа в поэзии протоиерея Игоря Кобелева по праву можно назвать не только воплощением основного мотива духовной поэзии – мотива обращения к святым в стихах, но также вершиной творческого развития духовной линии в его творчестве.

Литература

1. На рубеже: стихи /Протоиерей Игорь Кобелев. – Курск, 2011. – 122 с.
2. Дроздова Н.В. Когда лампа сгорела, перекинулось пламя на свечи // Кобелев И. На рубеже. – Курск, 2011. – С. 6- 10.
3. Духовная лира. Сайт православной поэзии. // [Электронный ресурс] Режим доступа [www. liga.ror.ru](http://www.liga.ror.ru)
4. Стихи.ру / Протоиерей Игорь Кобелев // [Электронный ресурс] Режим доступа [www. stihi.ru/avtor/kobelev](http://www.stihi.ru/avtor/kobelev)
5. Ангел Святого Белогорья // Миссионерское обозрение. – № 5. – 2005 // [Электронный ресурс] Режим доступа [www. seminaria.bel.ru](http://www.seminaria.bel.ru)
6. День Православной поэзии. Альманах. – Москва–Воронеж: 000 «Центрально-Черноземное книжное издательство», 2008. – 132 с.

Бардыкова И.В.

Проблема рецепции религиозного у Н.Н. Стрхова (на материале «Воспоминания о поездке на Афон»)

В статье дается анализ небольшого путевого очерка Н.Н.Стрхова «Воспоминания о поездке на Афон», делается вывод о том, что синтез религиозного и эстетического идеала определил как особенности стиля Воспоминаний, так и основные мировоззренческие установки философа. Образ афонской монастырской жизни и святости складывается у автора очерка под влиянием одной, по его мнению, определяющей черты настоятеля монастыря и братии – веселого простодушного смеха.

Ключевые слова: Россия, Европа, Афон, аскетизм, святость, монашество.

«Воспоминания о поездке на Афон» – это «путевой очерк» Н.Н.Стрхова, посвященный рассказу о путешествии на Святую гору в 1879 году. Этот сравнительно небольшой очерк вполне очевидно занимает в наследии критика особое место. Во-первых, мы практически не находим у Н.Стрхова работ, напрямую посвященных обсуждению религии. Во-вторых, Стрхов не любил открыто размышлять о себе и своей внутренней жизни. В-третьих, от других текстов этот очерк отличается сравнительно меньшей ролью умозрительных и рациональных аргументов. «Воспоминание» порой производит

лирическое, а иногда и почти исповедальное впечатление. Вместе с тем, в этом же очерке явственно прорывается и публицистический (целый ряд его пассажей более уместен не в размышлениях о проблемах духовной жизни, а в журнальной полемике), и поэтический талант Страхова (об отсутствии которого Страхов не раз открыто сожалел). Заметки Страхова по достоинству оценил даже строгий его критик К.Леонтьев. По замечанию Розанова, поездка на Афон разрушила представление о нем как о религиозном скептике.

Событием, послужившим причиной написания «Воспоминаний», стала смерть игумена Пантелеймонова монастыря о.Макария (Сушкина), служившего в нем с 1868г. (в очерке Страхов связывает начало игументства с 1875г.), которого Страхов, не боясь высокого слога, называет «самым чистым и несравненным по красоте воплощением того духа, которым живет вся Афонская гора». Сильные впечатления и светлые воспоминания (очерк написан в 1881 г., а опубликован только спустя десять лет после поездки), вынесенные с Афона, оставили ясный образ отца Макария. «После того, как я съездил на Афон, – пишет Н.Страхов, – для меня получила большую занимательность всякая книга или статья, где о нем говорится; нигде, однако же, не привелось мне найти повторения иных впечатлений, которые я испытал и которые очень хотелось бы встретить в полном и ясном выражении» ¹[Страхов 2000].

«Воспоминание» посвящено описанию быта и жизни православных монахов, описанию красот Афона, размышлениям о молитве и «великом изяществе» церковных песнопений: «Там, за дальними морями, на светлом юге, в цветущей своей пустыне, они [монахи] стоят в больших и малых храмах, с лицами и сердцами, обращенными к Богу. Когда бы я ни вспомнил о них, утром, или вечером, или ночью, я знаю, что они делают: они поют и славословят, или молчат и благоговеют. И вот уже тысяча лет, как восемь или десять тысяч этих монахов совершают эти непрерывные молитвы, которых я был очевидцем». Есть прямые свидетельства Н.Страхова о том, что монашество, церковный аскетизм его очень интересовали. В 1875 Страхов писал Толстому из Рима: «Современная жизнь и современные люди нисколько не интересны. Настоящая жизнь человека – религия, какая-нибудь идея <...> И вот мне хотелось повидать монахов, увидеть живую в людях религию. (Я непременно посету Оптину пустынь и какие-нибудь русские монастыри). Что аскетизм есть последовательное выражение религии – для меня несомненно; я до семнадцати лет (даже первый год университета) жил в среде духовных и монахов, и знаю, в чем дело» [Толстой – Страхов: 1, 208]

«Воспоминания» – это не панегирик православию, это и не чисто философское эссе. Важно, что Страхов предваряет их особым «оправдательным» вступлением: «чувствую, что мне следует представить своим читателям некоторые объяснения и почти оправдания... Как бы то ни было, но я чувствую, мне следует, вообще, не столько похвалиться, сколько повиниться перед читателем, объясняя ему, что одною из причин моей поездки в Царьград и на Афон была прямо *похоть очей*». Страхов заявляет о желании «посмотреть собственными глазами какое-нибудь большое зрелище, непохожее ни на что прежде виденное» и «прикоснуться душою к какой-нибудь людской жизни, идущей не по тем началам, по которым мы сами живем».

Само по себе подобное «созерцание красот» может быть достойно порицания, но Страхов употребляет выражение «похоть очей», выстраивая многозначительный контекст. Выпускник не только Петербургского университета и Главного педагогического института, но и костромской духовной семинарии, он не мог не учесть библейский контекст этого выражения: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1Ин. 2:15-17). Свои недостатки (в данном случае – «похоть очей») Н.Страхов подчеркивает во многих работах самообличительным тоном: «мне, грешному», «худшему из грешников» и т.п.

Но в описании красот природы, церковной службы, быта монахов мы видим и другого Страхова – созерцателя, его взгляд отстраненный, «оглядывающий», речь описательная и как бы не дающая повода в подозрении «пристрастности» наблюдателя к описываемым событиям. Б.Н.Никольский, хорошо знавший Н.Страхова, так характеризует его натуру: «И в личном обхождении покойного, и в строе его жизни, и во всей его биографии было много аскетического, много знакомого каждому, кто хоть поверхностно наблюдал характер и особенности православного монашества <...> Но беседовал обо всем Страхов таким тоном, как монах говорит с мирянином о светских делах и вопросах, тщательно избегая даже малейшим намеком обнаружить хоть что-нибудь из внутреннего быта или обихода монастыря» [Никольский 1896: 6].

По мнению Б.Н.Никольского, какие-либо подозрения Страхова в неискренности или скрытности должны быть отвергнуты: «...как эстетик, он не столько участник, сколько зритель бытия. Среди других мыслителей он является каким-то аскетом, отшельником, который свои слова не вставит в шумный поток мирских речей и суждений, но все выслушает, все запомнит и все переживет потом в тиши своего

уединения. Этим созерцательным духом умозрения объясняется одна из характернейших особенностей Страхова – его объективизм» [Никольский 1896: 17]

Но *оправдательное* «похоть очей» у Страхова выстраивается в дальнейшем в развернутом описании европейского контекста: «Так гуляют по всему свету англичане, нося в груди свою Англию и смотря на весь остальной мир с равнодушием и презрением». Так делают и русские европейцы: «мы много ездим в Европу, но больше для того, чтобы там жить и гулять, а не для того, чтобы учиться». Мысль об исторической болезни европеизма, лекарством и альтернативой которой становится Афон, была проведена значительно резче в «Воспоминании об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря св. Пантелеймона на Горе Афонской» К.Н.Леонтьевым. Почти так же, как и Страхов, Леонтьев придает собственной судьбе типологический характер: «И вот и я, смолоду воспитанник той же столь европейской, столь несамобытной по духу русской литературы 40-х годов, сам теперь, под сорок лет, считаю за счастье прийти поучиться не только вере, но и разуму у этих тульских и старооскольских каких-нибудь купцов на далеком Афоне! Учусь у них и умнею под старость, скорблю и блаженствую, каюсь и радуюсь и за честь себе считаю их дружбу, их участие; за дар Божий – их наставления!!»².

«Но где же искать другой жизни? – вопрошает Страхов. – Европейские нравы и обычаи уже распространились по всему земному шару; везде власть и движение, рост и сила принадлежит Европе, а всякая другая жизнь лишена развития и будущности. Сотни миллионов людей, еще не уподобившихся европейцам, составляют лишь служебное, рабочее, податное население, которое уже не может мечтать ни о самостоятельности политической, ни о своеобразной культуре, ни о малейшем участии в ходе истории человеческой <. .> Там сохранилась до наших дней и продолжает неприкосновенно процветать особая жизнь, начавшаяся с первых веков христианства и, уже почти тысячу лет назад, вполне сложившаяся в свои формы». «Вспомним при этом, какой дух там живет, – дух нашего православного благочестия. Там – одно из чистейших воплощений того животворного начала, которое составляет истинную душу русского народа. Афон есть поприще и училище святости, а святой человек есть высший идеал русских людей, начиная от неграмотного крестьянина и до Льва Толстого».

Коллизия «грешник на святой земле» приобретает историческую глубину, а сам «грешник» воспринимается уже как типический образ, обобщающий в себе опыт своего поколения. Этот опыт, в свою очередь включает в себя европеизацию и, как ее следствие, скуку («похоть очей»). Афон же представляет собой противоположный полюс. Путешествие на Афон рисуется как возврат к национальным корням, и,

неявно, как возможность избавиться от «похоти очей». Афон – училище святости. Святость – идеал русского человека, поиски ее простираются «от крестьянина до Льва Толстого». Жажда святости – признак и основа «русскости».

Смерть архимандрита Макария, первого русского игумена русского монастыря имела солидный резонанс в России. Страхов пишет, что отец Макарий порастил его «красотою лица и голоса простотою, живостью и безмятежною добротою во всяком своем движении» ... Он не улыбался, но на лице была, так сказать, постоянная готовность к улыбке. Речь его не имела и тени книжности, или, вообще, той искусственности, проповеднической приподнятости или молитвенной размягченности, которая часто свойственна духовным особам. Это была краткая, простая, всегда оживленная речь. И он беспрестанно шутил, он в каждом предмете находил веселую сторону, как бы отнимал серьезное значение у трудов, которые сам нес, и у всяких хороших и дурных житейских случаев, о которых заходила речь». Страхов отмечает ясные лица монахов, их веселые разговоры, ласковые взгляды и «довольно громкий смех», «смех от всей души». Об улыбающихся монахах Страхов писал и Толстому 19 октября 1881 года: «...на Афоне мне особенно понравились веселые монахи, ласковые, смеющиеся, я думаю, что они ближе других к святости, да так об них говорили и другие» [Толстой – Страхов: 2, 617]. Добродушный, веселый, приветливый смех – признак светлости, «светлых монахов»: «Он [монах Дионисиата. – *наше*. – И.Б.] сидел поодаль на широком диване, подобравши под себя ноги и перебирая четки, и беспрестанно раздавался его веселый смех». По сути, это – развернутая апологетика монашеского быта, столь «возмущающего» современных людей и глубокое обоснование монашества как *радостного* деяния.

Страхов проводит идею синтеза религиозного и эстетического идеала. Описания «роскошеств природы» и рассуждения о радости монашеской жизни плавно перетекают друг в друга. «...*радость очей*, наслаждение зрелищем природы находится, очевидно, в полной гармонии с самым чистым благочестием, даже с высшими духовными подвигами». Тезис о полной гармонии красоты природы и духовной красоты монахов повторяется неоднократно. «Радость очей», описания «чудеснейших панорам» Афона предваряют и постоянно сопутствуют разговору собственно о монашестве и монахах, их радостном и веселом смехе.

Примечания

1. К моменту выхода из печати страховских «Воспоминаний» «Московские ведомости» (№182 и след.) опубликовали «великолепную» (по словам К.Леонтьева) статью г-на Красовского об о.Макарии и афонских монахах, а сам К.Леонтьев откликнулся своими «Воспоминаниями» в «Гражданине» (1889, №№191-211). Очерк Н.Н.Страхова вышел в печать в «Русском вестнике», 1889, №10. – С.120-144.

2. «Личный» Афон К.Леонтьева противостоит в данном случае не только европейскому миру, но и конкретной исторической и духовной ситуации, общей для многих деятелей русской культуры, вступивших в активную жизнь в 1840-х годах: «...религиозное движение юношей в провинции происходило в конце 40-х годов. Кажется, в том самом 48 году, когда вся Европа была в революционном огне и когда в Петербурге в другом кружке русской же молодежи, в кружке Петрашевского, задуман был безбожный и кровавый переворот. ...рассказывали, будто бы эти молодые люди ненавидели не только Царскую власть и сословный строй России, но и религию до того, что приобрели плащаницу и рубили ее на куски».

Литература

1. Все цитаты в тексте приводятся по: Страхов Н.Н. Воспоминания о поездке на Афон [Электронный ресурс] // Библиотека Хроноса (всемирная история в Интернете) / ред.Вяч.Румянцев. – М., 2000. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2005/strahov_afon.html (дата обращения 05.05.2012).
2. Л.Н.Толстой и Н.Н.Страхов. Полное собрание переписки в двух томах. Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н.Толстого, 2003. Далее в ссылках: Толстой – Страхов, с указанием тома и страницы.
3. Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк. СПб., 1896.
4. Леонтьев К. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря св. Пантелеймона на Горе Афонской [Электронный ресурс] // Информационный портал Святой горы Афон. – Режим доступа: <http://www.isihazm.ru/?id=746> (дата обращения 05.05.2012)

Сафонова М.М.

Религиозный аспект в романе «Братья Карамазовы» в русской философской мысли рубежа веков

В статье представлена попытка анализа критического осмысления религиозных основ романа «Братья Карамазовы» в первой трети 20 века. Приводятся примеры противоположных точек зрения на вопросы, связанные с религиозностью Достоевского, в частности, с темой греха и падения и их художественном воплощении в романе, и предложен вариант объяснения причин такого разнообразия

Ключевые слова: Бог, христианство, грех.

Религия в современном обществе давно перестала быть зоной запрета и сакрального знания. Связь литературы и официального христианства всегда присутствовала в русском сознании. Во многом это связано с историей возникновения литературы как таковой, точкой отсчёта которой считается крещение Руси.

Являясь органической частью культуры 19 века, в 20 – веке атеизма – она несколько десятилетий находится под запретом и, конечно, приобретает приятный вкус запретного плода. Когда в литературных произведениях, в том числе и в романах Ф.М. Достоевского, выделялись социальный,